

Новая Военная доктрина РФ: к методологическим неточностям понятий

О.А. Рыжов

Московский технический университет связи и информатики (МТУСИ)

rizhova@mail.ru

Рассматривается содержание Военной доктрины РФ и Закона РФ «О противодействии терроризму», анализируются существенные дефиниции основных понятий, приводящих, по мнению автора, к методологическим неточностям и недопониманию официального государственного документа. Приведены авторские определения военных опасностей и угроз современной России, а также угрозам ее военной безопасности.

Ключевые слова: военный, военная безопасность, военная опасность, военная угроза, угрозы военной безопасности, киберпространство, терроризм.

New Military Doctrine of the Russian Federation: To Methodological Inaccuracies of Concepts

O.A. Ryzhov

Moscow Technical University of Relations and Informatics (MTUCI)

rizhova@mail.ru

The content of the Military Doctrine of the Russian Federation and the Law of the Russian Federation «On Countering Terrorism» is considered, the essential definitions of the main concepts are analyzed, which, according to the author, lead to methodological inaccuracies and misunderstandings of the official state document. The author's definitions of military dangers and threats to modern Russia, as well as threats to its military security are given.

Key words: military, military security, military danger, military threat, threats to military security, cyberspace, terrorism.

При прочтении названия статьи, возникает вопрос: «Зачем говорить о том, что уже давно определено и закреплено в официальном государственном документе — Военной доктрине РФ?» [1] Вопрос закономерен, но существуют и иные точки зрения по опреде-

лению и выявлению военных опасностей и угроз, угроз военной безопасности. Они, думается, также достойны внимания, но требуют для своего обоснования предварительных теоретических рассуждений. В данной статье автор излагает свою точку зрения.

Небезызвестным является факт, что люди, говоря об одном и том же, могут не понимать друг друга, если в одно и то же понятие, категорию вкладывают различный смысл. В быту это может привести лишь к различным уровням размолвки. Намного сложнее, если эта ситуация складывается, когда рассуждения ведутся на групповом, общественном, государственном уровне. Поэтому правильно, что сейчас многие официальные документы начинаются с уяснения смысла и содержания понятий, употребляемых в дальнейшем их изложении. Вместе с тем, анализ этих разъяснений порой приводит к еще большему непониманию.

Так, статья 8 новой редакции Военной доктрины РФ посвящена раскрытию основных понятий, используемых в документе. Анализ их привел автора данной статьи к мысли, что трактовка некоторых из них приводит не только к некоторой противоречивости дальнейших рассуждений, но и к недопониманию содержания документа в целом. Думается, что главной причиной этому является отсутствие уяснения сущности основополагающего понятия, определяющего содержание всего документа, — «военный».

Уясняя смысл этого понятия и не впадая в структурно-организационные подробности военной организации, необходимо отметить, что важнейшим здесь является то, что это жестко централизованное объединение людей, нанимаемых государством, содержащихся за счет государства и *служащих государству*. А в соответствии с этим, главное их предназначение — защита государственных интересов, государственной безопасности, как и национальной в целом.

В случае же отхода от этих положений военнослужащий перестает быть таковым. Он может еще какое-то время носить официальную военную форму и даже жить за счет государства, но, если он перестал ему служить, защищать его интересы¹, выступил

против государственных конституционных основ, он уже не военный, а государственный преступник. Другими словами, если военнослужащий принял решение выступить против своего государства, то он уже не является военным с правовой точки зрения. Любые организации, состоящие из подобных граждан, могут называть себя как угодно, в том числе и военными, но с юридической точки зрения они не являются таковыми. Это относится и к всевозможным легитимным частным «военным» компаниям (ЧВК), которые в своей профессиональной деятельности используют оружие при защите сугубо частных интересов, не преследуя при этом антигосударственные цели.

В связи с вышеизложенным возникают вопросы к некоторым статьям Военной доктрины РФ.

Цитируем статью 8:

«В Военной доктрине используются следующие основные понятия:

а) военная безопасность Российской Федерации (далее — военная безопасность) — состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внешних и внутренних (*курсив — Р.О.А.*) военных угроз, связанных с применением военной силы или угрозой ее применения, характеризующееся отсутствием военной угрозы либо способностью ей противостоять».

Возникает естественный вопрос — о каких внутренних военных угрозах может идти речь? Получается, что военные, призванные защищать нас, свое государство, могут одновременно представлять и угрозу для нас.

Подобное недоразумение вызывает и содержание пунктов «б» и «в» этой же статьи, разъясняющих понятия «военная опасность» и «военная угроза».

Читаем: «б) военная опасность — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующее совокупностью факторов, способных при

¹ В данном случае не подразумевается уход военнослужащего в запас, отставку.

определенных условиях привести к возникновению военной угрозы;

в) военная угроза — состояние межгосударственных или внутригосударственных отношений, характеризующееся реальной возможностью возникновения военного конфликта между противостоящими сторонами, высокой степенью готовности какого-либо государства (группы государств), сепаратистских (террористических) организаций к применению военной силы (вооруженному насилию)».

Различие между ними, заключающееся в потенциальной либо реальной возможности нанесения ущерба национальным интересам государства, не вызывает сомнения. Но в определении вновь появляются внутригосударственные отношения, способствующие возникновению военной опасности или военной угрозы. Вопрос возникает прежний: внутригосударственная обстановка может сложиться так, что действия наших Вооруженных Сил станут опасностью или угрозой для нас? Это не говоря уже о том, что сепаратистские (террористические) организации могут применить военную силу.

Да, в истории даже XXI века было немало случаев, когда обострение внутривосточных противоречий провоцировало внешнее военное вмешательство. Свидетельством тому еще сравнительно недавние и текущие события в Ираке, Иране, Ливии, Афганистане, Сирии и в других странах. В США даже практикуется стратегия так называемых «контролируемых конфликтов». Согласно ей в той или иной стране внешне провоцируется конфликтная ситуация, основывающаяся на действительно существующих или мнимых внутренних противоречиях и «требующая», в дальнейшем, американского военного вмешательства для защиты «демократии», «прав человека» и т.п. в этой стране (подобный сценарий развития событий наблюдается в современной Украине).

Но мы анализируем российскую Военную доктрину и, думается, что подобного развития событий у нас не предвидится. Более того, в

современных условиях Запад больше беспокоят успехи России, чем объективно присутствующие ее внутренние противоречия.

Следующий пункт «г» данной статьи раскрывает сущность понятия «военный конфликт». Цитирую: «военный конфликт — форма разрешения межгосударственных или *внутригосударственных* (курсив — Р.О.А.) противоречий с применением военной силы (понятие охватывает все виды вооруженного противоборства, включая крупномасштабные, региональные, локальные войны и вооруженные конфликты)».

Вновь очевиден вопрос, задаваемый мною ранее: какие внутригосударственные противоречия могут решаться путем военного столкновения, т. е. вооруженного противоборства двух и более легитимных вооруженных сил? Напомню, что согласно международно-правовых норм в рамках одной страны (территория плюс народ, населяющий эту территорию) может быть лишь одно государство, как аппарат управления данным населением на данной территории. А в соответствии с этим получается, что одна из сторон предполагаемого «военного» столкновения является негосударственной, нелегитимной, а поэтому развернувшийся конфликт является не военным, он — вооруженный внутривосточный.

Да, в практике абсолютного большинства современных государств (в том числе и в России) привлечение своих вооруженных сил, военной силы для разрешения внутренних противоречий является нормой. Но это не означает, что разворачивается военный конфликт. В соответствии с этим сравнительно недавние и небезызвестные вооруженные столкновения в Чечне не квалифицируются как «военный конфликт». Также, как и продолжающиеся на сегодняшний день вооруженные столкновения на Ближнем Востоке не являются военным конфликтом. Там, с одной стороны, стоит коалиция легитимных военных сил нескольких государств, с другой — вооруженные формирования исламистов, самопровозглашенных

себя государством (ИГИЛ), отвергаемого всем миром. Не могут, таким образом, квалифицироваться как военный конфликт и современные кровавые события в Украине.

Военный конфликт — это столкновение двух и более легитимных вооруженных сил, то есть — это международный вооруженный конфликт. Он, в свою очередь, в соответствии с преднамеренностью и целями начала вооруженных действий, последствиями в ходе и после самого конфликта подразделяется на: «военный инцидент», «военная провокация», «военный конфликт» (в узком понимании) и «война».

В соответствии с вышеизложенным возникает опять-таки непонимание расшифровки (в скобках) понятия «военный конфликт», приведенного в статье 8 «г» Военной доктрины РФ, согласно которой — это «...все (курсив — Р.О.А.) виды вооруженного противоборства, включая...». Но в данном случае под это определение попадают, например, вооруженные разборки мафиозных банд формирований и т. п.

Проанализированные выше методологические неточности привели, по мнению автора, к определенной путанице в статьях 12, 13 и 14. В них перечисляются основные внешние и внутренние военные опасности и угрозы.

Начнем с внутренних военных опасностей (статья 13).

«Основные внутренние военные опасности:

а) деятельность, направленная на насильственное изменение конституционного строя Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной ситуации в стране, дезорганизацию функционирования органов государственной власти, важных государственных, военных объектов и информационной инфраструктуры Российской Федерации;

б) деятельность террористических организаций и отдельных лиц, направленная на подрыв суверенитета, нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации;

в) деятельность по информационному воздействию на население, в первую очередь на молодых граждан страны, имеющая целью подрыв исторических, духовных и патриотических традиций в области защиты Отечества;

г) провоцирование межнациональной и социальной напряженности, экстремизма, разжигание этнической и религиозной ненависти либо вражды».

Но данное перечисление внутренних военных опасностей порождает новый вопрос. Если это военные опасности, то есть исходящие от военных, то получается, что наши военные ведут деятельность по насильственному свержению конституционного строя России, дестабилизируют внутриполитическую обстановку (пункт «а»); именно военные являются террористами (пункт «б»); именно военные дезинформируют население России (пункт «в»); именно они провоцируют межнациональную и социальную напряженность и т.д. (пункт «г»).

Для ответа на данный вопрос необходимо уточнить смысл еще одного понятия, к сожалению, отсутствующего в статье 8 Военной доктрины РФ. Это — «угроза военной безопасности», под которой понимается *совокупность условий и факторов, способствующих нанесению реального ущерба системе обеспечения военной безопасности*. Они могут появляться как в результате действий внешних военных сил, которые и являются военной опасностью и угрозой, так и в результате деятельности всевозможных внешних и внутренних невоенных деструктивных сил. В соответствии с этим, всё, что перечислено в статье 13, в действительности являются угрозами военной безопасности России, а не военными опасностями для нее. При этом список существующих внутренних угроз системе обеспечения военной безопасности можно продолжить с довольно-таки большим количеством пунктов.

Таким образом, военная опасность, угроза могут исходить лишь от действий

военной силы, легитимных вооруженных сил других государств. Действия же как внутренних, так и внешних невоенных деструктивных сил, направленных на подрыв обороноспособности страны, представляют собой не военную опасность и угрозу стране, государству, а угрозу системе обеспечения военной безопасности, как и национальной безопасности в целом.

Подобные рассуждения можно применить к анализу и других статей. Так, из перечисленных в статье 12 *внешних военных опасностей* к таковым можно отнести лишь половину (пункты «а», «в», «г», «е», «ж», «з», «и»), да и то некоторые из них — с определенными оговорками. Так же и в статье 14 далеко не все внешние военные угрозы можно отнести к таковым (пункты «б» и «в»).

В соответствии с вышеизложенным у автора есть своя точка зрения по определению реально существующих военных опасностей и угроз для нашей страны и ее военной безопасности.

Думается, что на сегодняшний день существует одна *военная угроза*, как реальное, адресное, целенаправленное и оперативное намерение каких-либо сил нанести военными средствами ущерб национальным интересам страны. Это — *агрессивная антироссийская политика НАТО во главе с США*.

Эта политика проявляется:

а) в постоянном наращивании силового потенциала Организации Североатлантического договора (НАТО) [6];

б) в самонаделении НАТО глобальными функциями, реализуемыми в нарушение норм международного права. Североатлантический альянс, в обход общепринятым международным нормам, провозглашает своим правом вмешательство (в том числе и военное) в любые события, происходящие в мире, в том числе и в дела суверенных государств, если эти события, по их мнению, противоречат национальным интересам и ценностям «западной демократии»;

в) в расширении НАТО и увеличении количества воинских континентов альянса на территориях государств, сопредельных с Россией и ее союзников;

г) в создании и развертывании НАТО и, прежде всего США, систем стратегической противоракетной обороны, подрывающих глобальную стабильность и нарушающих сложившееся соотношение сил в ракетно-ядерной сфере, а также в развертывании стратегических неядерных систем высокоточного оружия.

Кроме перечисленных выше объективных фактов, подтверждающих агрессивную антироссийскую политику НАТО, необходимо учитывать и растущую антироссийскую, русофобскую пропаганду в западных (да и в восточноевропейских) странах. Ее смысл — внушить своим народам чуть ли не врожденную агрессивность российских людей, их постоянное стремление к завоеванию других стран и народов. При этом западные политики не гнушаются явной фальсификацией истории, вплоть до обвинения СССР / России, в развязывании Второй мировой войны. При этом они забывают о явно колониально-преклоненческой политике их государств по отношению к фашистской Германии в предвоенные годы.

Под *военными опасностями*, существующими в настоящее время для нашей страны, как и для всего мира в целом, следует понимать сложившуюся в современном мире военно-политическую обстановку, грозящую в своем развитии перерасти в военную угрозу.

Среди таковых, в первую очередь, необходимо выделить *локальные вооруженные политические конфликты*, происходящие вблизи границ Российской Федерации и грозящие в определенных условиях перерасти в региональный и даже глобальный военный конфликт. В основе этих конфликтов лежат, как правило, межнациональные, межконфессиональные, территориальные противоречия, повлекшие за собой рост экстремизма в отдельных регионах мира.

Прежде всего имеются в виду конфликты на территориях бывших республик и автономных областей СССР: Украины, Абхазии, Южной Осетии, Приднестровья, Нагорного Карабаха. Среди них особую опасность для Российской Федерации, безусловно, представляет уже затянувшийся вооруженный конфликт на востоке Украины. Этот вооруженный конфликт опасен не только из-за близости к границам России, но и потому, что он всегда может служить не только поводом для введения новых санкций со стороны западных держав, но и вынужденного прямого вмешательства наших вооруженных сил в происходящие события, влекущего за собой непредсказуемые последствия.

Вместе с тем одним из основных факторов, дестабилизирующим военно-политическую ситуацию в мире, а в соответствии с этим и военно-политическое положение России, является увеличение количества стран, на территории которых ведется уже многолетняя вооруженная борьба с международным экстремизмом, — это Сирия, Ирак, Йемен, Ливия и др. Основным фактором, оказывающим негативное влияние на ситуацию в этом регионе, остается деятельность организаций ИГИЛ и других экстремистских группировок. Кроме того, ситуацию усугубляет стремление некоторых ближневосточных государств использовать эти структуры для достижения сугубо своих целей в сирийском конфликте.

В частности, Турция, Саудовская Аравия, Катар, а также участвующие в борьбе с исламистским экстремизмом США и их союзники ведут целенаправленную деятельность, направленную на принуждение действующего президента САР Б. Асада к отставке в целях прихода к власти в стране прозападных оппозиционных сил. И даже на сегодняшний день, когда, с одной стороны, западной коалицией дано согласие на сохранение Б. Асадом своего поста до очередных выборов, с другой стороны, продолжаются провокации о якобы химических ударах,

наносимых сирийскими правительственными войсками и т. п. А это, в свою очередь, якобы дает коалиции право нанесения ракетных ударов по их расположению.

В соответствии с этим, эти страны чрезвычайно негативно восприняли эффективную помощь России, поддерживающую Б. Асада, в уничтожении экстремистских группировок. До сих пор в интересах дискредитации роли России в Сирии путем пропагандистского «раскручивания» заведомо ложных фактов и необоснованных обвинений российских военных в гибели мирного населения, уничтожении объектов гражданской инфраструктуры, американская администрация усиленно пытается сформировать в мире негативное отношение к нашим действиям в этой стране.

В этих условиях, если учесть уже неоднократно случавшиеся инцидентные столкновения между военными России и западной коалиции, можно представить степень военной опасности как для нашей страны, так и всего мира.

Следующей военной опасностью, по мнению автора, являются *территориальные претензии к России и ее союзникам*. Сами по себе претензии не носят военного характера, однако, возможный силовой метод решения этих проблем может обернуться военным конфликтом.

Среди них: территориальные притязания Японии к нашей стране по поводу Курильских островов (Итуруп, Кунашир, Шикотан и группе островов Хабомаи); Норвегии (острова Франца-Иосифа); Латвии и Эстонии (Пыталовский район Псковской области); Финляндии (Западные районы Карелии); Германии и Литвы (Калининградская область); КНДР (остров Ноктундо). Есть несогласованные территории между Китаем и Россией и даже между Россией и США в Беринговом и Чукотском морях. Кроме того, к этому числу следует отнести и претензии Польши к нашему непосредственному союзнику — Белоруссии, предъявляемые к части

Гродненской, Брестской и даже Минской областей.

Многие из этих претензий носят в большей степени гипотетический характер, но, учитывая то, что претендующие на наши территории страны являются либо членами НАТО, либо их союзниками, можно представить возможный военный ход развития событий.

Безусловной военной опасностью для РФ, как и для всего мира в целом, является *распространение и наращивание ядерного оружия*.

На сегодняшний день официальным статусом ядерной державы обладают пять государств мира — Россия, США, Великобритания, Франция и Китай. Вместе с тем, по данным СИПРИ по состоянию на 2017 г. ядерным оружием уже обладали и Индия, Пакистан, Израиль, Северная Корея. В общей сложности в распоряжении девяти стран находилось 14 935 единиц ядерного оружия (93 % из них приходится на долю России и США) [5].

Само по себе распространение ядерного оружия еще не обозначает военную опасность. А вот завладение им неадекватными политическими силами в условиях неконтролируемого распространения этого оружия может привести к непредсказуемым для всего мира военно-политическим последствиям.

Военной опасностью в современном мире является и *милитаризация информационных и коммуникационных технологий*, направленных на подрыв суверенитета, политической независимости, территориальной целостности государств и представляющих угрозу международной безопасности, глобальной и региональной стабильности.

Введение этого пункта в разряд военных опасностей обосновывается тем, что использование информационных технологий в военных целях привело к тому, что в США, КНР, РФ созданы специальные кибервойска — войска информационных операций. Их основная

задача осуществлять кибернетическое и информационное противоборство в виртуальном пространстве, подрывая, таким образом, боеготовность вооруженных сил вероятного противника и снижая обороноспособность этой страны. В военном ведомстве США (Пентагон) киберпространство объявлено даже пятым театром военных действий наряду с сушей, океаном, воздухом и космосом. Политической же особенностью уже развернувшихся кибервойн является то, что в современном международном праве нет юридического регулирования этих отношений.

Все перечисленное выше является внешними угрозами военной безопасности России. Но существуют как внутренние, так и внешние угрозы ей со стороны невоенных деструктивных сил. При этом будет правильным обратить внимание на угрозы именно военной безопасности, а не национальной безопасности в целом. Другими словами, это угрозы функционированию военной организации государства, являющейся основой обеспечения военной безопасности в целом. Да, подрыв экономических, социальных, духовных и иных основ жизнедеятельности общества влияют и на военную безопасность. Но в таком случае, по мнению автора, необходимо лишь повторить положения Стратегии национальной безопасности Российской Федерации [7].

В соответствии с этим, думается, что основной как внутренней, так и внешней невоенной опасности для военной безопасности России является *терроризм*, направленный непосредственно на её военнослужащих и функционирование военной организации. Хотелось бы уточнить само понятие «терроризм», трактование которого даже в официальных документах порождает некоторую противоречивость.

Анализ существующих в мировой научной литературе подходов к определению терроризма позволяет выделить его основные сущностные черты: применение крайних форм насилия для достижения определенных

политических целей; превентивное устрашение, инициирующее панику и массовое недовольство; поспрашение общественных норм, общепринятых и закрепленных международными правовыми актами. В соответствии с ними Закон РФ «О противодействии терроризму» определяет его как идеологию насилия и практику воздействия на принятие решения органами государственной власти, органами местного самоуправления или международными организациями, связанных с устрашением населения и (или) иными формами противоправных насильственных действий [4].

Вместе с тем, и это официальное определение, по мнению автора, не полностью соответствует научным критериям определения того или иного понятия. Во-первых, насилие может применяться не только в целях устрашения населения, но и самих государственных органов. Во-вторых, не совсем понятна формулировка «и (или) иными формами противоправных насильственных действий». В-третьих, под это определение могут подпасть и вполне легитимные действия того же государства.

В соответствии с этим терроризм — это применение оппозиционными силами нелегитимного экстремального насилия (террора) для устрашения государственных органов или населения страны в целях принуждения государства к принятию политических решений, соответствующих их интересам. При этом, одним из обязательных условий выступает — неоткрытое противостояние сторон в конфликте. Террористы действуют как бы «из-под тишка», не рассчитывая на моментальный и адекватный ответ противоположной стороны.

Таким образом, говоря о терроризме как об угрозе военной безопасности подразумеваются экстремальные действия невоенных деструктивных сил (убийства военнослужащих, взрывы военных объектов, блокирование деятельности органов военного управления и т. п.), направленных на подрыв обороноспособности государства.

В качестве выводов по данной статье хотелось бы отметить, что рассуждения автора не являются бесспорными. Но, во-первых, четкая формулировка методологических основ любого документа является основой не только его правильного понимания, но и дальнейшего практического воплощения. И, во-вторых, сложившаяся современная военно-политическая обстановка в мире свидетельствует о наличии реальных военных опасностей и угроз современной России, которые обуславливают необходимость постоянного повышения уровня обороноспособности нашей страны.

Библиографический список

1. Военная доктрина РФ // Российская газета. Федеральный выпуск № 298(6570). 30 декабря 2014 г.; URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (дата обращения 20.06.2021).
2. **Волков К.** Кто играет в «ядерное домино» (01.04.2017) [Электронный ресурс] // НОВОРУСМИР: обзор аналитики. URL: <http://novorussmir.ru/archives/23127> (дата обращения 20.06.2021).
3. **Рылов М.И., Тихонов М.Н.** Ядерные энергетические установки: постижение реальности // Академия энергетике. 2009. № 2(28). С. 22—27.
4. О противодействии терроризму: Федеральный Закон РФ: [принят Государственной думой 26 февраля 2006 года] [Электронный ресурс] // Консорциум Кодекс: электронный фонд. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901970787> (дата обращения 20.06.2021).
5. SIPRI: многие страны продолжают модернизацию ЯО // Война и мир. (03.07.2017). URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/122433/> (дата обращения 20.06.2021).
6. Йенс Столтенберг. Генеральный секретарь НАТО // Свободная пресса: сетевое издание. URL: <https://svpressa.ru/persons/yens-stoltenberg/> (дата обращения 20.06.2021).
7. Стратегия национальной безопасности Российской Федерации: утв. Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 года № 683. [Электронный ресурс] // Российская

газета. RG.RU. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (дата обращения 20.06.2021).

Submitted 21.06.2021

Поступила 21.06.2021

Рыжов Олег Алексеевич — доктор философских наук, профессор, профессор кафедры социальных отношений, рекламы и связей с общественностью (СР и СО), Московский технический университет связи и информатики (МТУСИ), Заслуженный работник высшей школы РФ, действительный член Академии военных наук РФ, rizhova@mail.ru

Ryzhov Oleg A., Doctor of Philosophy, Professor, Professor Department of Social Relations, Advertising and Public Relations (SR & PR), Moscow Technical University of Relations and Informatics (MTUCI), Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, full member of the Academy of Military Sciences of the Russian Federation, rizhova@mail.ru

References

1. Voennaja doktrina RF // Rossijskaja gazeta. Federal'nyj vypusk № 298(6570). 30 dekabnja 2014 g.; URL: <https://rg.ru/2014/12/30/doktrina-dok.html> (data obrashhenija 20.06.2021).
2. Volkov K. Kto igraet v «jadernoe domino» (01.04.2017) [Jelektronnyj resurs] // NOVORUS-MIR: obzor analitiki. URL: <http://novorusmir.ru/archives/23127> (data obrashhenija 20.06.2021).
3. Rylov M.I., Tihonov M.N. Jadernye jenergeticheskie ustanovki: postizhenie real'nosti // Akademija jenergetiki. 2009. № 2(28). S. 22—27.
4. O protivodejstvii terrorizmu: Federal'nyj Zakon RF: [prinjat Gosudarstvennoj dumoj 26 fevralja 2006 goda] [Jelektronnyj resurs] // Konsorcium Kodeks: jelektronnyj fond. URL: <https://docs.cntd.ru/document/901970787> (data obrashhenija 20.06.2021).
5. SIPRI: mnogie strany prodolzhat modernizaciju JaO // Vojna i mir. (03.07.2017). URL: <http://www.warandpeace.ru/ru/news/view/122433/> (data obrashhenija 20.06.2021).
6. Jens Stoltenberg. General'nyj sekretar' NATO // Svobodnaja pressa: setevoe izdanie. URL: <https://svpressa.ru/persons/yens-stoltenberg/> (data obrashhenija 20.06.2021).
7. Strategija nacional'noj bezopasnosti Rossijskoj Federacii: utv. Ukazom Prezidenta Rossijskoj Federacii ot 31 dekabnja 2015 goda № 683. [Jelektronnyj resurs] // Rossijskaja gazeta. RG.RU. URL: <https://rg.ru/2015/12/31/nac-bezopasnost-site-dok.html> (data obrashhenija 20.06.2021).